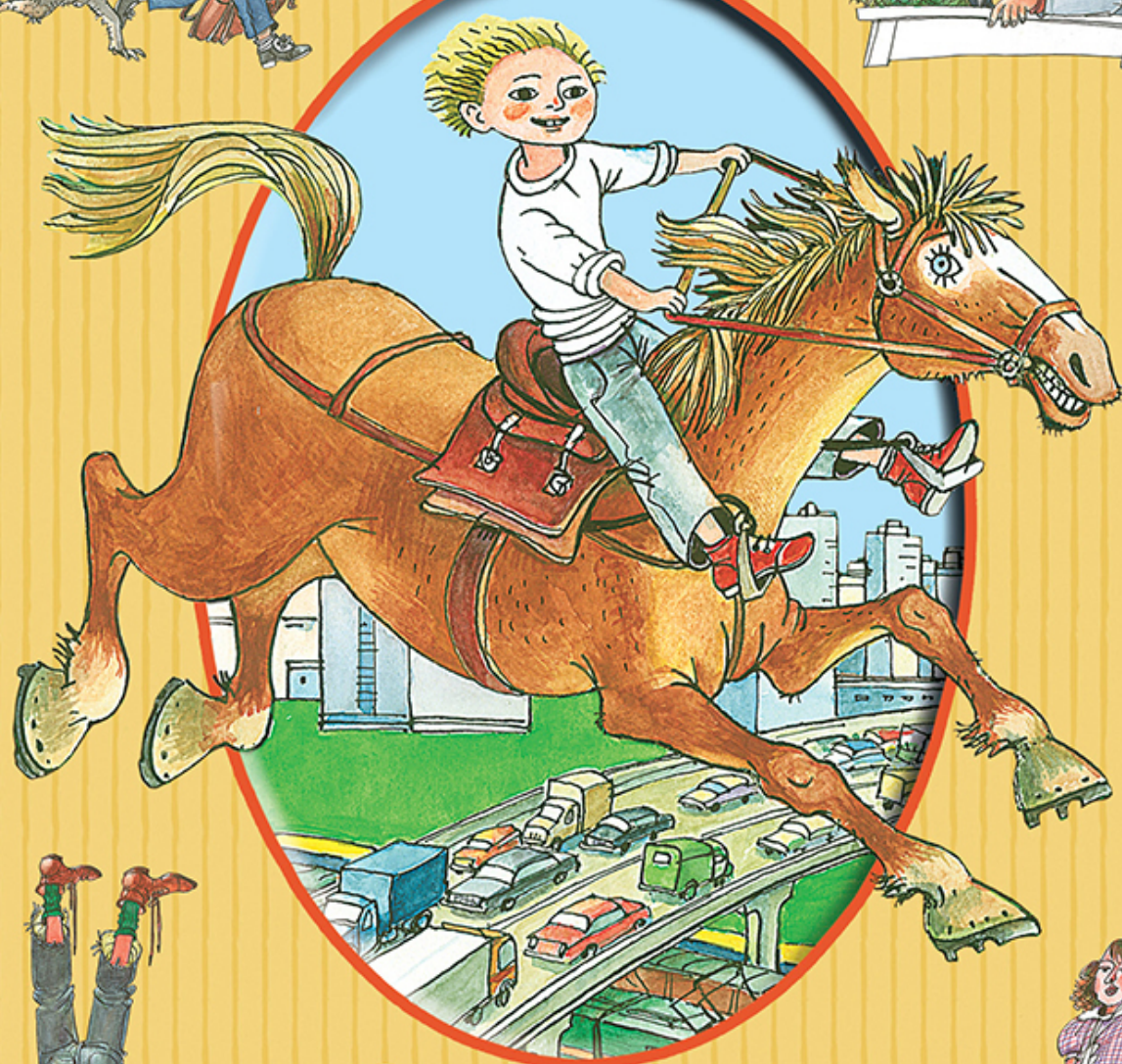

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ

В. Голявкин

«ПРИДВИН»

А ТЫ ПОСТАРАЙСЯ!

РАССКАЗЫ

Весёлые истории

Виктор Голявкин

А ты постарайся! (сборник)

«АСТ»

до 2001 г.

УДК 821.161.1-32-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Голявкин В. В.

А ты постарайся! (сборник) / В. В. Голявкин — «АСТ», до 2001 г. — (Весёлые истории)

ISBN 978-5-17-108068-6

В. Голявкин – один из лучших писателей, работавших в жанре короткого юмористического рассказа. Когда читаешь его произведения, возникает ощущение, что смешную историю рассказывает его близкий друг – настолько они правдоподобны и органичны. Первый рассказ писателя увидел свет более полувека назад, но до сих пор они пользуются неизменным успехом у юного читателя.

УДК 821.161.1-32-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108068-6

© Голявкин В. В., до 2001 г.
© АСТ, до 2001 г.

Содержание

Всему свое место	6
Тетрадки под дождем	7
Я Андреев	8
Я пуговицу сам себе пришил	9
Как я под партой сидел	10
Передвижение комода	11
Болтуны	12
Как мы на самолете летали	14
Лукьян	15
И мы помогали	16
Язык	17
Привычка	18
Как я писал стихи	19
Как я помогал маме мыть пол	21
Новая рубашка	22
Все куда-нибудь идут	23
Неохота все время пешком ходить	24
Был не крайний случай	25
Моя работа	26
Никакой горчицы я не ел	27
Путешественник	30
Пятнадцать третьих	32
Пароход и лошадь	33
Так всегда бывает	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктор Голявкин

А ты постарайся! (сборник)

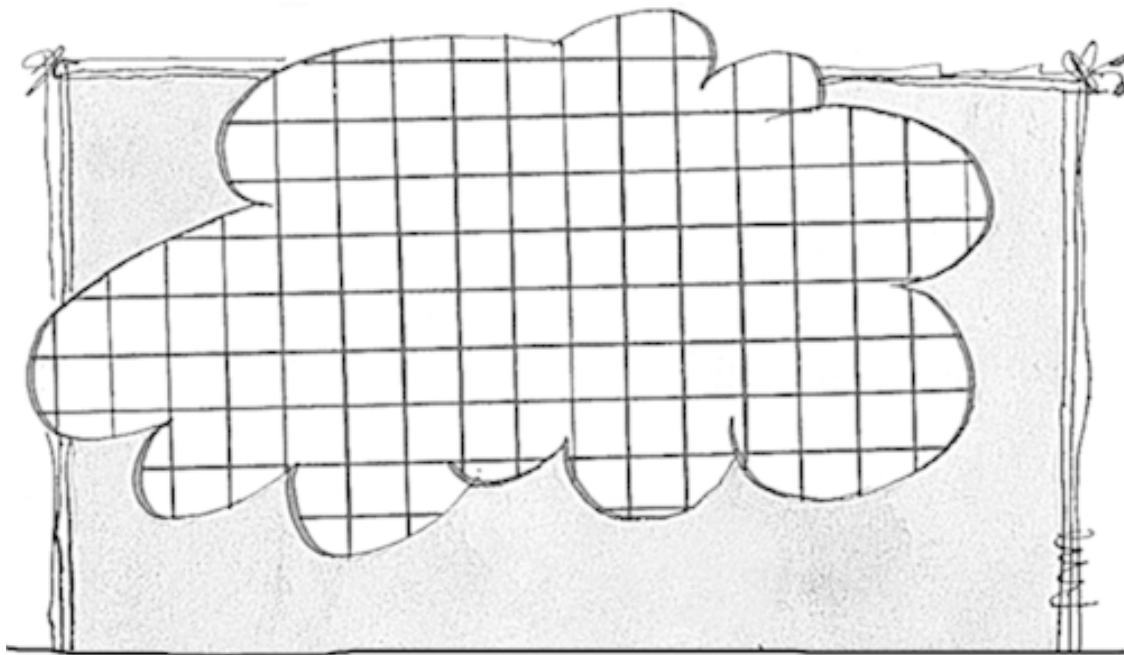
© Голявкин В. В., насл., 2018

© Андреев А. С., ил., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Всему свое место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу – навстречу идет наш учитель.

– Как дела? – говорит. – Догоняешь ветер?

– Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу – какой ответ получился, – а что я скажу? Ведь я еще не успел решить».

А он:

– Хорошая погода...

– Ну да, – отвечаю, – конечно... – А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

– Нос-то у тебя красный! – и смеется.

– У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

– Что ж ты, – говорит, – так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

– А что мне с ним делать?

– Продать его и купить новый.

– Это вы шутите.

Он опять смеется.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

– А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождем

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!
- А вдруг тетя Даша задержит с портфелями?
- Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно; возле самой стены сухо, а чуть подальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошел. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет:

«Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю:

«Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет:

«Что делать будем?»

Я ему отвечаю:

«Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придется тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождем.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то ты сегодня странный...

Я Андреев

Все из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятерки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадешь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Теперь я не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Еще увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

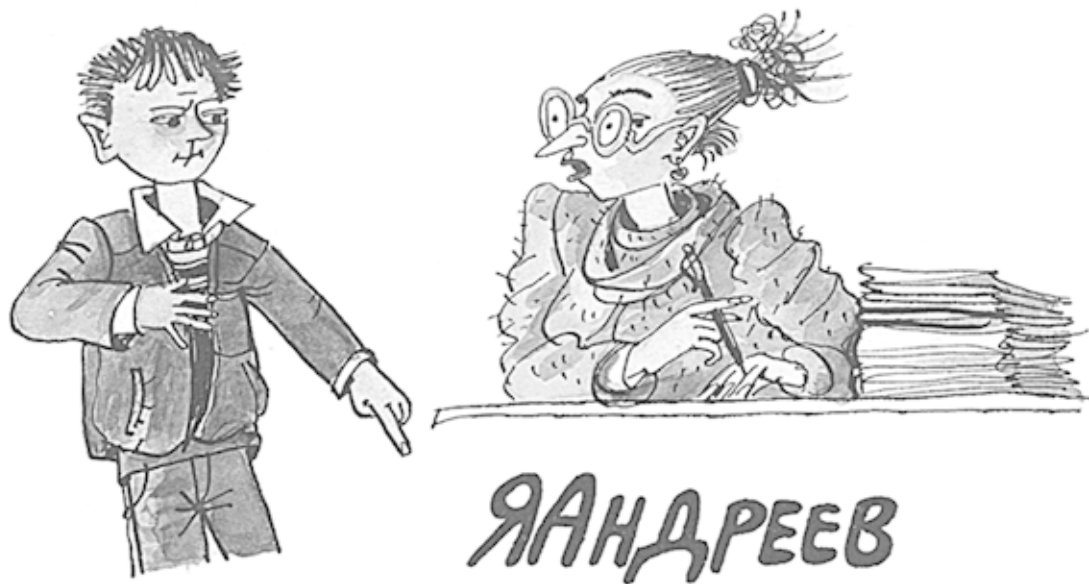
– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить.

Чтобы я на «Я» начинался.

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Я пуговицу сам себе пришил

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я ее криво пришил, но ведь я ее сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я все сам делаю – пуговицу себе сам пришил...

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я все сижу. «Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да еще Сережка мне в спину ногой все время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Петр Петрович...

Учитель спрашивает:

– В чем дело? Ты к доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел.

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Передвижение комода

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на «отлично». Ее ставят в пример, как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось, она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришел в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на нее.

– Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила все по порядку.

– У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!» А учитель сказал:

– Раз такое дело, это совсем другое дело. – И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

– У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

– Что вы, что вы! – сказала мама. – У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошел учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

- Это я, – сказал он. – Похоже?
- Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.
- А какие же у меня уши?
- Как у осла.
- А у тебя нос, как у бегемота.
- А у тебя голова, как еловая шишка.
- А у тебя голова, как ведро.
- А у тебя во рту зуба нет...
- А ты рыжий.
- А ты селедка.
- А ты вуалехвост.
- А что это такое?
- Вуалехвост – и все.
- А ты первердер...
- Это еще что значит?

- Значит, что ты первердер.
- А ты дырбыртыр.
- А ты выртырвыр.
- А ты rrrrrrrr...
- А ты zzzzzzz...
- А ты...ы! – сказал Юра и увидел рядом учителя.
- Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же все-таки вы такие?

Как мы на самолете летали

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-летчики пригласили. Весь класс наш в один самолет уместился. Прямо дом, а не самолет! Хочешь – сиди, хочешь – стой – что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолет, он почему-то вдруг перестал петь.

– Летим уже? – спрашивает. – Или нет?

Кто-то как закричит:

– Летим! Летим!

– Я боюсь, – говорит Валерка. – Зачем я только в кино не пошел! – и зубами стучит.

Я ему говорю:

– С непривычки это бывает.

– А ты раньше летал? – спрашивает Валерка.

– Я на катере ездил. А это почти одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам летчик. Улыбается, спрашивает:

– Ну как?

Валерка как заорет:

– Ой, идите за руль! Самолет упадет! – И заплакал.

Летчик смеется:

– Не беспокойся. Там ведь еще летчик есть.

Валерка перестал плакать.

– Эх ты, плакса! – говорит летчик. – Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

– Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А летчик не отстаёт:

– Они даже смотреть на тебя не хотят, эх ты, трусишка!

Миша Колосов говорит:

– Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Ленька Скориков говорит:

– Это он, наверно, от страха пел.

Тут самолет на снижение пошел.

Вышли мы из самолета.

– Эх, – говорит Валерка, – хорошо бы еще покататься.

– Вот и прекрасно, – улыбается летчик, – сейчас будем на вертолете кататься.

Я обернулся – нет Валерки.

– Где Валерка? – спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошел.

Лукьян

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждет, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

– Лукьян...

Катя подумала, ей подсказали, и повторяет:

– Лукьян...

– При чем тут Лукьян?! – удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

И мы помогали

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

– Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только потрянул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом все повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?

Не может этого быть!

Язык

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел. Очень нужно работать!

Но сидеть надоело.

Он кошку увидел.

Поймал ее.

Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, скорчил несколько рож, спел три песни, язык показал.

Она его цап лапой по языку!

Он сразу петь перестал.

Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...

Лучше поздно, чем никогда!

Привычка

Не успели приехать в пионерлагерь, а уж тихий час! Не хочется человеку спать – так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью – еще днем спи. Тут бы пойти искупаться в море – так нет, лежи, да еще глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснешь».

На другой день я, как только лег, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

– Это что еще за певец такой?

Я ему отвечаю:

– Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

– А если все запоют, тогда что будет?

– Ничего, – говорю, – не будет.

– Тогда сплошное пение будет, а не сон.

– А может быть, тогда все уснут?

– Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

– Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

– Закроются, – говорит, – вот увидишь.

– Нет, не закроются, я себя знаю.

– У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

– Потому что я так привык.

– А ты попробуй не вслух, а про себя. Тогда еще скорее уснешь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

Как я писал стихи

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю – получается в рифму. Вот, думаю, новость! Талант у меня открылся. Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришел в восторг.

– Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льется солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Сегодня с утра идет дождь, – сказал Женька, – а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и все такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы все равно бодры и все такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но, наконец, получилось.

Льется дождь
На голову мне.
Эх, хорошо

Моей голове!

– Не везет тебе, – говорит Женька, – дождь-то кончился – вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

– Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чем дело, и на другой день принес такое стихотворение:

Льется солнца луч
На голову мне,
Льется дождь
На голову мне,
Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, – говорит, – у тебя...»

– Посмотрим, как не получится!

Трах! – опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобней мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три – и все дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придется еще ведро на пол вылить.

Вылил еще ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру – ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, все плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придется теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

– Что такое, – кричит, – почему вода?

– Не беспокойся, мама, все будет в порядке. Надо только насос починить.

– Какой насос?

– Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Все оказалось так просто. А мама мне говорит:

– Ничего. Ты мне все же помог.

Новая рубашка

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперед, поглядывая на окна.

Шел с работы мой старший брат.

– О, – сказал он, – какая прелесть! Только смотри не простудись. – Он взял меня за руку, привел домой и надел мне рубашку поверх пальто.

– Теперь гуляй, – сказал он. – Какая прелесть!

Все куда-нибудь идут

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

– Я иду в первый класс.

Вова сказал:

– Я во второй класс иду.

Маша сказала:

– Я в третий класс иду.

– А я? – спросил маленький Боба. – Выходит, я никуда не иду? – И заплакал.

Но тут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

– Я к маме иду! – сказал Боба.

И он пошел к маме.

Неохота все время пешком ходить

Неохота все время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошел. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажусь на корточках. За борт машины держусь руками. Трясет всюду! Боюсь, шофер меня заметит – ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня – в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул – и бежать.

Хотелось все же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

– Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

– Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня.

Не помню уж, сколько я шел пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

Был не крайний случай

В классе все пересказ писали, а я, как на зло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

– Вот возьми домой книжку, прочти ее и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

– А если я не запомню?

– Пиши, как запомнишь.

– А третий раз ни за что нельзя?

– В крайнем случае – можно.

Пришел я домой. Прочел два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать – через «а» или «о».

А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я все запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

– Этот случай не крайний, – сказал папа. – Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

– Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

– Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Моя работа

Старший брат мастерил приемник, а младший ходил вокруг и мешал.

– И я работать хочу, – просил он.

– Вот пристал, – сказал старший брат. – На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашел кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук – вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

– А ну-ка, – сказал старший брат, – дай сюда. – И прибил фанеру к приемнику.

– Вот и все, – сказал старший брат, – готов приемник.

Младший вышел во двор и привел ребят.

– Это я сделал. Моя работа!

– Весь приемник сделал?

– Не весь, конечно, но главную часть. Без нее приемник бы не работал.

Никакой горчицы я не ел

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички по-ют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой – сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошел. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю – машина стоит, шофер что-то в моторе смотрит.

Я его спрашиваю:

– Поломалась?

Молчит шофер.

– Поломалась? – спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

– Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

– Угадал, – говорит, – поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

– Да я... не умею...

– Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошел.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

– Как с патентом¹?

Другой говорит:

– Хорошо с патентом.

«Что это, – думаю, – патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент еще скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

– Гляди-ка, парень как рот раскрыл.

И ко мне обращается:

– Что тебе?

– Мне ничего, – отвечаю, – я просто так...

– Тебе нечего делать?

– Ага.

– Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

– Вижу.

– Подойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

– Как это?

– А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

– Не смешно, – говорю, – а вы смеетесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

– Не смешно совсем. Что вы смеетесь?

Потом один говорит:

¹ Патент – документ, дающий изобретателю исключительное право на изобретение.

– Мы совсем не смеемся. Где ты видишь, что мы смеемся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит.

И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит.

– Не тронь метлу!

– Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

– А не нужно, так и не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти еще рано. Уроки еще не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть? Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

– Куда лезешь? Эй!

Смотрю – нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься – опять:

– А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

– Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешел на ту сторону улицы. Наверх, на леса смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали все увидел – рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Все равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Еще круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

– Плати, мальчик, снова.

– У меня больше денег нету. Только три копейки было.

– Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

– Ой, мне далеко пешком идти!

– А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошел?

– Откуда вы знаете?

– Я все знаю. По тебе видно.

– А чего видно?

– Видно, что в школу ты не пошел. Вот что видно. Из школы ребята веселые едут. А ты как будто горчицей объелся.

– Никакой я горчицы не ел...

– Все равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно.

А потом говорит:

– Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай. – Но я все равно сошел. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшами землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да еще землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

– В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

– Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я веселый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе. Он посмотрел на меня удивленно.

– Ты что?

– А что?

– Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я еще больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

– Что с тобой?

– А чего?

– Что ты мне рожи строишь?

– На экскаваторе покатайте меня.

– Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

– Я тоже, – говорю, – хочу на нем работать.

Он говорит:

– Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

Путешественник

Я твердо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живет Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу – они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я ее тоже сунул в сумку. Еле-еле все поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» – и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

– Мы едем? – и снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошел к окну. Вот наш дом, наши белые занавески, наше белье висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошел совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

– Тебя как зовут? – спросил военный.

– Саша, – сказал я чуть слышно.

– А что же бабушка спит?

– А кто ее знает!

– Куда путь держишь?

– Далеко...

– В гости?

– Угу...

– Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

– На пару недель, – сказал я серьезно.

– Ну что же, – сказал военный, – очень даже неплохо.

Я спросил:

– Вы в Антарктиду?

– Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

– Откуда вы знаете?

– Все хотят в Антарктиду.

– И я хочу.

– Ну вот видишь!

– Видите ли... я решил закаляться...

– Понимаю, – сказал военный, – спорт, коньки...

– Да нет...

– Теперь понимаю – кругом пятерки!

– Да нет, – сказал я, – Антарктида...

– Антарктида? – переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушел в другое купе. Проснулась старушка.
– Не болтай ногами, – сказала старушка.

Я пошел посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже – навстречу шла Мурка. А я и забыл про нее! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад – я за ней. Она забралась под чью-то полку – я тоже сейчас же полез под полку.

– Мурка! – кричал я. – Мурка!

– Что за шум? – закричал проводник. – Почему здесь кошка?

– Это кошка моя.

– С кем этот мальчик?

– Я с кошкой...

– С какой кошкой?

– С моей.

– Он с бабушкой едет, – сказал военный, – она здесь рядом в купе.

Проводник повел меня прямо к старушке.

– Этот мальчик с вами?

– Он с командиром, – сказала старушка.

– Антарктида... – вспомнил военный. – Все ясно... Понимаете ли, в чем тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И еще что ты взял с собой, мальчик?

– Лимон, – сказал я, – и еще бутерброды...

– И поехал воспитывать свой характер?

– Какой плохой мальчик! – сказала старушка.

– Безобразие! – подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У нее из глаз даже слезы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

– Бери кошку, – сказал проводник. – Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

Пятнадцать третьих

Все столпились возле бильярда.

– Довольно играть просто так, – сказал он. – Я играю на третье. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну не важно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

– Чай! Чай!

Даже повар сказал:

– Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвертый...

– Стойте... – сказал он. – Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжело вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку. Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

– Живот не хватать, – сказал он, – нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, таращил глаза, икал.

Позвали вожатого.

– Что с ним такое? – спросил вожатый.

– Да вот чаю попил, – сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

Пароход и лошадь

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, все как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом – флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывет по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

– Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

Так всегда бывает

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой. Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки.

Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:

– Смотрите-ка, он сам с собой играет!

Разве я сам с собой играю? Я со стеной играю.

Пес Катушка ко мне привязался, вокруг бегаёт, машет хвостом. А Гога кричит:

– Ой, глядите, с Катушкой играет!

– Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной играет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.